

Да, жалость.

Возможно, эта прекрасная женщина даже сама не осознавала, какое чувство затаилось в глубине её глаз.

В первую же секунду, увидев этого юношу, Чжао Юйин невольно вспомнила Линь Цзиньняня, уехавшего за границу несколько лет назад.

Они и правда были до ужаса похожи: глаза, нос — словно отлиты в одной форме. Единственным отличием, пожалуй, была лишь холодная, отстраненная аура, исходившая от этого парня.

Она слегка улыбнулась:

— Ты ведь Гу Ли, верно? Шиюй часто упоминал о тебе.

Ресницы Гу Ли дрогнули:

— Да.

Чжао Юйин поманила его рукой:

— Подойди, дай мне получше тебя рассмотреть.

Гу Ли помедлил, но в конце концов уступил её просьбе и подошел.

Мужчина был высокого роста, а так как Чжао Юйин сидела на деревянном стуле, Гу Ли, не раздумывая, опустился на одно колено, чтобы ей было удобнее видеть его лицо.

В конце концов, всё, чего он смог добиться для себя и сестры к настоящему моменту, было достигнуто именно благодаря этому лицу.

Взгляд Чжао Юйин был сосредоточенным. Гу Ли чувствовал, что через него она смотрит на кого-то другого — на старого знакомого, которого давно не видела.

Примерно через две минуты Чжао Юйин наконец позволила ему подняться и предложила сесть на соседний стул.

Вероятно, она была очень мягкой женщиной. Её взгляд, обращенный к нему, был полон сострадания и нежности.

— Мой младший сын в этот раз зашел слишком далеко, — проговорила она.

В голосе Чжао Юйин слышались печаль и ностальгия:

— Когда Шиюй только родился, он был таким крошечным. Я жила в постоянном страхе, боясь, что одно неловкое движение — и я могу навредить ему.

В комнате царил мягкий свет, ложившийся на лицо Чжао Юйин и придающий ей черты святой материнской любви. Гу Ли чувствовал, что она искренне любит своего ребенка.

— Мы с таким трудом вырастили Шиюя, — продолжала она, — и так боялись, что с ним что-то случится, что потакали ему во всем. Наш Шиюй, может, и немного избалован, но это лишь безобидные капризы.

На её лице заиграла счастливая улыбка, и стоило ей заговорить об Янь Шиюе, как она вся преобразилась. Вновь взглянув на Гу Ли, она перешла к главному:

— Как мать, я была удивлена, узнав, что он выбрал тебя в качестве своего парня. Дитя моё, я очень надеюсь, что ты не станешь держать на него зла. Шиюй просто... он не может отпустить. За всю свою жизнь это единственный его такой безрассудный поступок.

Чжао Юйин говорила с тревогой:

— Я знаю, тебе сейчас нелегко, но у Шиюя не было другого выхода. Он очень хороший человек, я слышала, что он во всем тебя оберегает и даже прокладывает путь для твоей карьеры. Я не стану ему мешать. Просто прошу, будь и ты к нашему Шиюю немного добрее.

Эти слова, сказанные от чистого сердца, выдавали материнское желание защитить своего ребенка — предвзятое, всепрощающее, слепое.

Но Гу Ли не был дураком. Чжао Юйин говорила ему это лишь из страха, что он может навредить Янь Шиюю. Эта женщина, столько лет вращавшаяся в высшем свете, сохранила пугающую наивность.

В ней не было злобы, она просто была матерью, боящейся, что её ребенок пострадает из-за собственного упрямства и самонадеянности.

Она наверняка понимала, что именно Гу Ли — пострадавшая сторона в этой истории, но в итоге всё равно решила встать на сторону своего сына.

Наивно, глупо, эгоистично.

Для Чжао Юйин не было ничего важнее, чем счастье, радость и здоровье Янь Шиюя на всю оставшуюся жизнь.

Гу Ли всё это время сидел, слегка опустив голову, и задумчиво смотрел на свой мизинец. Невозможно было понять, о чем он думает.

Чжао Юйин, ведя этот монолог и утирая слёзы, заметила его молчание и подтолкнула его:

— Дитя моё, ты слышал, что я тебе сказала?

Гу Ли поднял на неё взгляд:

— Да.

Его тон был настолько холодным, что Чжао Юйин стало не по себе. Она вздохнула, пытаясь наладить контакт:

— Сколько тебе лет, милый?

Гу Ли глухо ответил:

— Двадцать три.

Чжао Юйин кивнула:

— На пять лет старше Шиюя. Это хорошо, это даже к лучшему. Старшие умеют заботиться.

Стоило ей сказать это, как разговор снова вернулся к Янь Шиюю. Сама того не замечая, она воодушевленно добавила:

— В этой комнате мы раньше жили вместе с Шиюем. Когда он вырос и переехал, я так и не решилась убрать вещи, напоминающие о нём. Он был таким очаровательным ребенком, все его обожали.

Она нерешительно предложила:

— Хочешь... осмотреться здесь? Пройтись, посмотреть?

В её взгляде читалась такая надежда, что Гу Ли понял: она просто не знает другого способа сблизиться с ним. Он слегка кивнул и поднялся со стула.

На лице Чжао Юйин тут же расцвела радостная улыбка.

Комната была огромной, почти как отдельный домик: здесь было всё — место для еды, работы, развлечений, умывальник, туалетный столик и зона отдыха.

Темные глаза Гу Ли скользнули по деревянной кровати, которая была явно маловата, накрытой мягким одеялом с супергероями; на спинке кровати маркером были нарисованы хаотичные линии.

Всё, что касалось Шиюя, здесь было пропитано мультяшной атмосферой. Глядя на это, можно было легко представить себе капризного, заносчивого и трудного в общении малыша.

Это было так далеко от нынешнего элегантного и властного Шиюя, что Гу Ли даже не мог связать эти образы воедино.

Его взгляд задержался на одной фотографии.

Сердце Гу Ли внезапно пропустило удар.

Он почти бегом подошел к снимку, в его глазах мелькнула паника.

На фотографии была запечатлена вся семья: Чжао Юйин, отец Янь, Янь Минси, Янь Шиюй и еще один юноша с лучезарной, мягкой улыбкой.

Юноша был одет в изысканный детский костюм, а рядом с ним стоял ребенок, едва доходивший ему до плеча — это был Шиюй.

Черты лица того юноши пугающе напоминали черты самого Гу Ли.

Они стояли в тесной близости, и на лице Шиюя сияла искренняя, счастливая улыбка.

Гу Ли никогда раньше не понимал, в чем именно его сходство со старшим сыном семьи Линь, пока не увидел это фото.

Они были похожи до невероятности.

Внешне Гу Ли оставался прежним — холодным и благородным, но только он сам знал, что его мизинец на правой руке, который совсем недавно ласкал Шиюй, сейчас горел огнем.

Голос Чжао Юйин раздался у него за спиной:

— Ты смотришь на Цзиньняня?

Женщина улыбнулась:

— Прекрасный мальчик, такой жизнерадостный и вежливый. По характеру вы с ним совсем не похожи.

Затем она с грустью вздохнула:

— Надеюсь, когда Цзиньнянь вернется, ты не будешь слишком страдать. Тогда вы с Шиюем просто разойдетесь каждый своей дорогой.

Выходя из комнаты на третьем этаже, Гу Ли почувствовал, что его сердце, которое только начало было оживать, снова остывает.

Он спускался по лестнице, расстегнув две пуговицы на рубашке, обнажив полоску смуглой кожи.

В банкетном зале по-прежнему было много людей, воздух был пропитан ароматом духов. Его спокойный взгляд проскользнул сквозь шумную толпу и остановился на расслабленно сидящем в углу юноше.

Шиюя уже клонило в сон. Его сердце было слабо, и сейчас оно неприятно ныло.

Он равнодушно подумал: Гу Ли еще не спустился, может, ему просто уйти спать? В конце концов, Гу Ли уже взрослый, у него есть водитель, он точно доберется до дома в безопасности.

Размышляя об этом, Шиюй зевнул, полностью забыв о своем обещании дождаться Гу Ли.

Пока в поле его зрения не показались начищенные черные туфли.

Шиюй радостно поднял голову:

— Ты вернулся!

Гу Ли посмотрел на него сверху вниз:

— Да.

Шиюй, казалось, не заметил его подавленного настроения и спросил:

— Почему ты расстегнул пуговицы на рубашке?

Глаза Гу Ли блеснули:

— Жарко.

Услышав это, Шиюй положил руку ему на шею и улыбнулся:

— Как раз вовремя, у меня руки холодные, согрей меня.

Гу Ли покорно позволил его прохладной ладони коснуться своей кожи. Чтобы Шиюю не было неудобно, он приобнял его за талию, притягивая ближе.

Всё было так заботливо и нежно.

Вдруг в голове раздался безумный вопль системы 023:

— А-а-а-а! Хозяин, что происходит?! Индекс благосклонности главного героя упал до десяти процентов! Что ты натворил?!

<http://bllate.org/book/21592/2225556>